

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Л. ЛЕОНОВА «СКУТАРЕВСКИЙ»

С. КУЗЬМЕНКО

«Сейчас главное — хотеть, желать, делать что-то литературой... Итоги нужно делать»¹, — писал Леонов Горькому в октябре 1930 г. «Скутаревский» — роман об интеллигенте «так называемой второй фазы принятия Октября... уже не только как свершившегося факта, но идеологически, мировоззренчески, путем окончательного перехода на позиции рабочего класса»² — стал для писателя своеобразным романом итогов³. Здесь были впервые сведены воедино основные проблемы, поставленные в предшествующем творчестве Леонова, впервые не только психологически обоснованы, но и философски осмыслены требования, предъявленные человеку революцией, направление, факторы и реальные возможности формирования личности в новом обществе.

Роман итогов

Несмотря на признание значительности и актуальности проблематики романа, в критических отзывах о нем «задавали тон хулители «Скутаревского»⁴. Не учитывая жанровой специфики романа, критика 30-х гг. оказывается не в состоянии по достоинству оценить сделанное художником⁵. Лишь в 60—70-е гг. «Скутаревский» начинает рас-

¹ Леонов — Горькому, 21 октября 1930 г. — М. Горький и советские писатели. Незданная переписка. — «Литературное наследство», т. 70, М., 1963, с. 257.

² Л. Леонов. Литература и время. М., 1967, с. 36.

³ Стремление к итогам свойственно в этот период не только Леонову, но и всей советской литературе в целом. Отражая успехи социализма в стране, литература сосредоточила внимание на результатах перемен, произошедших за годы советской власти в духовном облике человека, свидетеля и участника социалистической стройки («Энергия» Ф. Гладкова (1932), «Время, вперед!» В. Катаева (1932), «Поднятая целина» М. Шолохова (1932), «Человек меняет кожу» Б. Ясенского (1932) и др.).

⁴ В. А. Ковалев. Леонид Леонов. Семинарий. М., 1964, стр. 18.

⁵ Рассматривая роман как произведение чисто эпического плана, критика 30-х гг. приходит к выводам, что в «Скутаревском» дано «наиболее сгущено» «все, что чуждо нам в мировоззренческих предпосылках Леонова: абстрактное понимание сущности человека» (Л. Спокойный. «Скутаревский» Л. Леонова. — «Литературный современник», 1933, № 4, стр. 145); что в романе налицо «разделение советской действительности на два плана, на план эпохальных, великих работ и на план мелкого и будничного», причем писатель «интересуется эпохально великим, но не желает интересоваться, не желает изучать, а главным образом не желает участвовать в том, что

смагиваться как «принципиально новое явление в литературе»⁶ — как в тематическом (ибо впервые в советской литературе воплощает мысль М. Горького о «включении художников слова в область научной мысли», о введении в круг тем романистов «героизма научной работы и трагизма научного мышления»⁷), так и в жанровом отношении, ибо является важнейшей вехой на пути Леонова⁸ «от психологического романа с философскими проблемами к собственно философскому роману», т. к. решение актуальнейших вопросов времени возвышается в «Скутаревском» «до проблемы вечных ценностей в науке, искусстве, политике»⁹.

Переделка сознания и морали буржуазного интеллигента, становление интеллигенции нового типа, не стоящей над народом, но вместе с народом осуществляющей строительство социализма, изображается Леоновым как результат коренных перемен в человеке, вытекающих из самой сущности социалистических общественных отношений.

Гуманистической основой новой нравственности должна была, по мнению писателя, стать новая культура, основанная, говоря словами Горького, на «органической связи настоящего со всем лучшим и социально ценным, что сделано в прошлом». Мысль о необходимости поставить на службу новому созданные в течение тысячелетий «сокровища науки, искусства, техники — вооружение, необходимое нам для дальнейшей борьбы за создание рабочего государства, культуры для всех, культуры, которая уничтожит человека расы, нации, класса и создаст Человека Человечества»¹⁰, и развита писателем в образе главного героя романа.

Единая культура будущего рассматривается Леоновым как явление, качественно отличное от двойного «ядра культуры»¹¹ прошлого, пытавшегося механически объединить потребительскую культуру эксплуататоров и подлинную культуру — культуру передовых идей, вдохновенного творчества. Революция привела к активному размежеванию этих культур. Намеченное штрихами уже в «Соти» (Бурого), развитие образа Скутаревского в романе — это отмежевание героя от «культуры» эксплуататоров и включение его во всенародный процесс созидания новой, социалистической культуры.

он считает будничным, обыкновенным» (В. Кирпотин. О социалистическом реализме. — «Книга и пролетарская революция», 1933, № 8, с. 12) и т. д.

⁶ В. А. Ковалев. Л. Леонов и М. Горький. В сб. ст.: М. Горький и его современники. Л., 1968, с. 237.

⁷ М. Горький. Собр. соч. в 30 тт., т. 30, с. 280.

⁸ Как и всей советской литературы (С. К.).

⁹ Л. Ершов. Русский советский роман. Л., 1967, с. 203, 206.

¹⁰ М. Горький. Собр. соч. в 30 тт., т. 25, с. 109.

¹¹ «Чудно, мы с тобой при встречах петушимся, а ведь в сущности, на одно ядро прикованы», — убеждает Скутаревского Петрыгин (Л. Леонов. Скутаревский. М., 1933, с. 124. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте).

Разрыв Скutareвского со старым миром,— доказывает Леонов,— неизбежен потому, что моральные основы личности героя, прогрессивного русского интеллигента, в своей основе враждебны этому миру.

Горожанин по рождению и творческим интересам, Скutareвский не связан так тесно с природой, как другие леоновские герои. Однако характер героя, с его широчайшей амплитудой чувств, высокой нравственной требовательностью,— это, бесспорно, вариант русского национального характера¹², в его леоновском понимании¹³.

Скutareвскому свойственно обостренное ощущение себя, человека, неотъемлемой частью мира живой жизни, находящегося в вечном, непрекращающемся движении, гордое чувство принадлежности к человечеству, уходящему корнями в глубь веков и стремительно движущемуся в будущее. Именно поэтому так потрясен герой фактом рождения сына. «Он придавал случившемуся огромное значение. Раньше ему казалось, что всякий человек своим существованием оправдывает существование отца», теперь он понял, «что сам отец должен оправдать свое существование перед сыном» (41). Рождение Арсения производит решительный переворот в судьбе ученого, заставляя его, отказавшись от поделок-однодневок, углубиться в «большую науку», чтобы «оправдать свое существование» перед тем, кто «понесет в будущее, как эстафету, дерзайшие замыслы отца» (54).

Такое отношение к жизни, естественно, предполагает соответствующее отношение к труду. Для Скutareвского его **работа** — не менее, чем средство приносить пользу человечеству. «Прометейство» героя, его увлеченность дерзкими планетарными замыслами — это результат взгляда на труд, не как на унылую будничную повинность, но как на приносящее радость творчество. С «прометейством» Скutareвского связана его вера в человека-творца: в его силу, волю, разум. Не соглашаясь с Петрыгиным в том, что «только практическая наука и техника способны менять лицо жизни... все дело в совершенстве машин, а не в классовой борьбе...» (38), — Скutareвский протестует, в сущности, еще не против попыток последнего подменить общественное развитие

¹² Леонов оговаривает это в автокомментариях к роману, подчеркивая «национальную характерность» главного героя, «представителя наиболее демократических слоев русской интеллигенции» (Л. Леонов. Скutareвский-Рыбников.—«Театр», 1937, № 8, с. 139).

¹³ Т. е. когда национальные черты русского характера рассматриваются «как предпосылка его революционности» (Б. Бурсов. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1964, с. 218). С таким толкованием русского национального характера спорит в романе антипод Скutareвского — Петрыгин («Ты русский человек. Куда тебе в марксисты?» (51)), который противопоставляет главному герою не только внешний фетишизм и злобной программой «ненависть!», но и подчеркнутым космополитизмом, пренебрежением к столь важному для писателя национальному началу жизни.

механическим прогрессом, сколько против стремления утвердить подавление человека вещью.

Цель жизни ученого — созидание, творчество. И хотя личное бессмертие для Скутаревского не более, чем «бунт индивида», смысл жизни герой видит в том, чтобы противостоять смерти: «храните жизни!»... Этот последний дребезг принадлежал ему» (12).

Таков, в общих чертах тот, как правило, свойственный положительному леоновскому герою комплекс моральных ценностей, который рассматривается писателем как важнейшая из объективных предпосылок сближения Скутаревского с новой жизнью¹⁴.

Присущая герою, как подлинному ученому, способность к творческому дерзанию — основа «дилетантской дерзости» физика, решающего «фантастическую» проблему передачи электроэнергии без проводов — близка по духу смелому эксперименту большевиков, которые «тоже рисковали в Октябре» (277).

В революции герою дорог ее эпохальный, всечеловеческий характер — отсюда восхищение Скутаревского человеческой красотой и силой партийца-туркмена Джеллалдалеева: «черт их знает, какие стихийные национальные залежи раскопала эта неистовая власть» (298).

С новой эпохой, эпохой юности, героя сближает молодость и сила страстей, бушующих в нем. Когда Скутаревский «ворвался в жизнь, он один был, как целый легион гуннов; в каждом жесте его трепались воинственные лоскутья; чадили походные костры, ржали стреноженные кони. Потом культура разрубила на части эту орду и срастила наново куски, но сила, толкавшая орду, еще не разрядилась...» (176). Эта сила питается атмосферой творчества: **работа** «держала его, подобно железному каркасу, не давая стариться или уставать, или сгибаться перед препятствиями» (102).

Однако при всем этом герой не избавлен окончательно от воздействия породившего его старого мира. До революции неприятие Скутаревским нравственных норм этого мира было, по сути дела, неприятием жизни, где торжествовали эти нормы, от которых ученый отгородился, уйдя в заоблачные выси науки, ставшей для него «целью, подвигом, схимой и единственным путем к самоутверждению» (43). Однако, если в старом мире гордое одиночество Скутаревского приносило ему не только горечь, но и удовлетворение, то в новом обществе оно становится нравственной драмой ученого, оторванного от творческой, созидательной атмосферы жизни.

Уединившись «на горе», над схваткой, Скутаревский оказался отгороженным от всенародной борьбы за переустройство мира. Одиноче-

¹⁴ Характеры врагов нового в романе (Петрыгина, Брюхе, Жистарева, Геродова, Арсения) подчеркнуто строятся Леоновым на основе несоответствия их принципам, реализованным в характере главного героя.

ство рождает ощущение нравственного тупика, сомнения в смысле, в ценности прожитой жизни: «с усмешкой разглядывая себя, все искал он чего-то главного, за что стоило бы и погибнуть, но главного не было...» (5).

Старый мир, породивший Скутаревского, сформировал в нем ложные, унижающие человека представления о долге, о нравственности, о гуманизме. Уединившись «на горе» большой науки, ученый привыкает прощать «этой земле все: войны, дома терпимости, крестовые походы, мечтателей в стиле Чингисов и Торквемад...» — «не от безвольного великодушия, не от расслабленности интеллигентской», но видя во всем этом «лишь электрохимические процессы» (62). Скутаревский не борется с «микробом стяжательства», одолевшем жену, не пытается решительно ополчиться на гнетущую его мещанскую атмосферу в семье.

Исповедуемая ученым «старая мораль, основанная на рабском, нечестном сострадании к человеку, весь комплекс старинных и ложных представлений о дружбе, родстве и общественных отношениях, мешает Скутаревскому» (243) и в новую эпоху. По-прежнему, несмотря на «тяжкий стариковский стыд за тот образ жизни, которым просуществовал столько лет», ученый не решается отмежеваться от окружающего его мещанства. Разгадав вредительский замысел проекта электростанции, Скутаревский пытается оправдать недобросовестность «родного по веществу» человека — сына: «душевным нездоровьем», влиянием Петрыгина («Я только не делал выводов, но это мое человеческое право» (242)). Отлично зная истинное лицо Петрыгина, Скутаревский даже после его ареста не до конца уверен в том, что сделал бы, если бы еще до этого события «обобщил в целое уйму мелких, мимолетных улик. Молчал бы, ...деля ответственность за дело, которое считал омерзительным, или...» (337) решил разоблачить предательство. Результатом всего этого становится усугубляющее трагедию ученого нарушение старым миром векового закона преемственности. Потомок Скутаревского, ставший при своем появлении на свет столь мощным катализатором энергии отца, оказывается не способным принять от него творческую эстафету и понести ее в будущее.

Психологически обосновывая и философски осмысляя предательство Арсения Скутаревского, Леонов наносит сокрушительный удар по индивидуализму, как бы подводя итог исследованию этого явления в своем предшествующем творчестве¹⁵.

«Хотя у нас мещанин физически побежден,— писал в 1934 г. М. Горький,— но все еще «бытует» вместе с нами, распространяя за-

¹⁵ В образах Лихарева («Конец мелкого человека»), Брыкина («Барсуки»), Векшина («Вор»), Буланина («Соть»).

пах тлетворный и одуряющий»¹⁶. Одним из последствий бытования мещанской идеологии в годы технической и культурной революции в стране был отрыв части интеллигенции, зараженной индивидуалистическими настроениями, от социальной деятельности общества: «индивидуалист все еще продолжает бесплодные поиски ответов на «загадки» жизни, он ищет их не в трудовой действительности, которая развивается всесторонне и с революционной быстротой,— он ищет ответов «в недрах своего я». Он продолжает охранять нищенское «частное хозяйство» и не желает оплодотворять жизнь»¹⁷.

Индивидуализм Арсения, трактуемый писателем не только как тяжкое наследие прошлого, но и как результат неспособности героя, человека, сложившегося в условиях нового общества, переделать себя согласно нравственным нормам этого общества, становится основой губительного разрыва героя с родной землей, с породившим его народом, с идеей, которая восторжествовала в стране, и, в конечном счете, с самой жизнью. Леонов идет от внешних, бросающихся в глаза примет неукорененности героя в родной почве (вроде той, когда в разговоре с Черимовым Арсений высказывает, словно бы в шутку, нелепое желание «на Малайском архипелаге срубить собственноручно баобаб» (85)— так мечтает об устрицах Леонтий Векшин), к более глубоким, коренящимся в самой сущности его характера.

В основе индивидуализма Арсения — унаследованное героем от старого мира равнодушие к человеку, неверие в его творческие силы. Самое светлое, что сохранилось в душе Арсения, — его партизанское прошлое, воспоминания о боевом друге Кольке Черимове, о погибшем командире Гарасе, которого герой возвышает «чуть ли не до былинного старчища, который с рогатиной, один на один, вышел на интервентов» (84). Однако получив по почте «брошюрку с безвестным именем Черимова» (72) — первый научный труд бывшего партизана Кольки, Арсений и представить себе не может, что автор работы — его бывший приятель, с которым когда-то он делил тяготы боевой жизни. В душе Арсений всегда слегка презирал товарища и никак не может «примириться с новым Черимовым, который в плане житейском становился теперь рядом с ним» (83). Попытка разобраться в отношении к Гарасе также приводит героя к выводу, что он «всегда заодно с Черимовым презирал чуть-чуть и Гарасю», а вынося из боя смертельно раненного командира (единственный достойный уважения эпизод в прошлом героя), в «потаенной мысли своей... дивился угрюмой Гарасиной живучести» (87). Боевое прошлое дорого герою лишь потому, что это его боевое прошлое. Героизируя его, Арсений «тем самым и

¹⁶ М. Горький. Собр. соч. в 30 тт., т. 27, с. 254.

¹⁷ Там же, т. 26, с. 29.

себе, и существованию своему создавал оправданье теплое и уютное» (84).

Индивидуалист, Арсений по природе своей не может быть творцом, потому что на первом плане его жизни не дело, а он сам, как некая основа бытия. Поэтому **работа**, ставшая для Скутаревского-старшего не просто научной проблемой, но его вторым «я», для Арсения — нечто внешнее, необязательное, чуждое внутренней жизни его личности. Арсений не может разделить отцовскую всепоглощенность делом, увидеть в своей повседневной деятельности оправдание своего земного существования, путь к будущему. Поэтому и попытка Черимова заинтересовать его сибирской стройкой, заставить увлечься работой воспринимается героем лишь как очередное посягательство на его внутреннюю свободу. Арсений не может принять установку нового мира на труд-творчество, включающий человека в непрерывающийся процесс духовного роста, не позволяющий остановиться, успокоиться на достигнутом. Новое общество, по мнению героя, не дало человеку той суммы потребительских благ, на которую он вправе был рассчитывать: «А если усталость?... Мы босыми ногами шагаем по истории, а ты думаешь — не больно... И потом, ведь социализм-то — ведь это для человека. Я даже допускаю его право сидеть и рисовать домики» (85) и т. д. Герой не может почувствовать себя членом коллектива, гражданином нового общества, потому что нравственные нормы этого общества для него неприемлемы. Поэтому, например, возмущаясь: «Брюхе арестован... выдающийся металлург, в любую минуту его возьмут хоть к Круппу» (62), Арсений исходит из абстрактной ценности Брюхе-инженера, не задумываясь об огромной опасности, которую представляет для общества Брюхе-вредитель.

Бессильный принять идейно-нравственные принципы нового мира, Арсений не способен стать преемником отца, потому что подлинный ученый не может быть консерватором по самой своей природе — он всегда заодно со временем. Так индивидуализм Арсения отрывает героя от его времени, от его поколения, становится причиной его научного бесплодия. Арсений и его друзья — это люди, у которых нет будущего. Все краски жизни, кажется, ушли от них: «Женщины наши гаснут, ботинки наши изношены, поэты наши расстреляны, знамена истлели...» (56).

Однако то «скутаревское», которое ненавидит в Арсении Петрыгин («Ну, вот, поперло скутаревское!» (257)), позволяет герою по достоинству оценить себя. Героя терзает острое чувство вины перед родиной, символом его встает призрак погибшего командира Гараси с его криком прямо в лицо Арсению: «Сволочь! сволочь!». Подобное же «площадное слово», считает герой, «вызрело, наверно, из отцовской горечи» и станет «последней мерой его распада» (266). Невыносимо жить с со-

знанием вины, со скрытым отвращением к себе: «Тебе легче... Ты скоро умрешь, дядя. И все счета уплачены, а мне еще жить надо» (257).

Но «скутаревского» в герое не хватает для того, чтобы предстать перед судом, искупить совершенное предательство. «Петрыгинское, индивидуалистическое в Арсении заставляет его делать условием своего признания то, что «в ответ на его великодушие — за это слово цепко держался он! — Черимов протянет ему руку дружбы и даже, возможно, согласится сопровождать его в искупительной поездке к Гарасе в тайгу...» (266). Но на согласие Черимова рассчитывать трудно: он не простил бы предательства бывшему другу. К тому же Черимов уверен, что старик Гарася простит нарушение клятвы — через десять лет навестить в тайге его одинокую могилу. Ведь он — Черимов, ушел по горло в стройку той самой жизни, за которую отдал свою жизнь Гарася. Черимов шагнул уже далеко вперед от прежнего партизана Кольки — в «скучной гибели» Гараси он не видит подвига, понимая, что, несмотря на свое геройство, командир и сам погиб, и половину отряда загубил по глупости, от неумения воевать. Для Арсения же настоящая жизнь в прошлом, оттого эту гибель «он возвышал до подвига» (84).

Прикоснувшись к той земле, с которой было связано все лучшее в его жизни, герой рассчитывает избавиться от «непреходящего ощущения полета вниз», которое «поселяло в нем мучительное расслабление» (261). Но ехать к Гарасе долго и нелегко, и Арсений избирает иной путь, уничтожая себя, пытаясь скрыться в небытие от ненависти живых. Описание смерти Арсения: «Вещество его стыло и угасало; оно видоизменялось; оно больше не нравилось самому себе... Распадались его сложные соли, потухали магнитные поля, клетка теряла электрический заряд свой, и самый мозг превращался в бездейственное, стеариноподобное вещество»¹⁸ (290—291) — содержит развитую затем Горьким мысль: «Среди нас есть непохороненные мертвецы, они еще пьют, едят, ходят по улицам и дышат, но всё вокруг отравляют тягостным запахом тления. Но они уже скоро исчезнут, — возвратят в хозяйство природы ту ценную материю, из которой они созданы и которой пользуются во вред окружающим их и самим себе»¹⁹. Величественная, героическая смерть: «умирать надо в полете, вбегая в первоначальное вещество и растворяясь в нем без остатка» (111) — удел личности, линия жизни которой — «вперед и вверх», естественное состояние которой — «полет», — доказывает Леонов. Если же человек жизнью

¹⁸ Критика объясняла такой подход писателя попыткой затушевать «конкретный смысл этой смерти, этого самоубийства... общечеловеческим значением случившегося» (Л. Спокойный. «Скутаревский» Л. Леонова... с. 145).

¹⁹ М. Горький. О пьесах. (Напечатано впервые в альманахе «Год шестнадцатый». Альманах первый, М., 1933 и в журнале «Литературная учеба», 1933, № 2) Собр. соч. в 30 тт., т. 26, с. 419.

своей искажает свою человеческую сущность, то действие движения вперед и вверх — могучей объединяющей силы, которая организовывала, сплавляла материю, исчезает, и материя распадается. Смерть Арсения Скutareвского — это то же, что и «разложение заживо» души Егора Брыкина или Аггея Столярова, посмертное «растворение» в окружающей природе Виссариона Буланина. Искаженная, изуродованная человечность теряет право на существование в настоящем и будущем.

* * *

«Перестройка» Скutareвского показана Леоновым как происходящие в процессе исторически обусловленного изменения взаимоотношений личности с обществом замена и усовершенствование прежних и возникновение новых социально-нравственных представлений. Решающую роль в этом процессе играет целенаправленное воздействие на героя сил, специфически присущих новому миру.

Показательно, что первым толчком к перестройке становится разговор Скutareвского с Лениным.

Пытаясь объяснить причину своего отказа от поста в правительстве июньской буржуазии, Скutareвский заявляет: «кадетов не терплю!... — И если бы проанализировал себя теперь, то среди причин отыскал бы непобедимое отвращение к тем, кого обогащал многие годы. — Миру, полагаю, сегодня клистирами не поможешь.

Это была кульминационная точка разговора.

— Значит вы разделяете и средства, которыми мы боремся?

— Да, но... — они слились в один звук, в новое понятие эти две противоречивые частицы. — У меня имеются кое-какие сомнения.

— Вот видите... Если бы вы были свой, наш, у вас не было бы никаких сомнений» (47).

Преодолеть сомнения Скutareвскому помогает «свежесть» и «жадность» идущей ему на смену «расы» (112). Сила нового такова, что оно оказывается в состоянии исправить нарушения векового закона преемственности, восполнить пробел в извечной цепи поколений. Духовным сыном, последователем Скutareвского-ученого становится коммунист Николай Черимов.

Черимов — для большинства критиков «одна из неудачнейших фигур романа»²⁰ — изображен автором без углубления в бытовую план образа. Нельзя не согласиться с тем, что «многое в этом образе остается или неясным — научная творческая работа Черимова, или только едва намеченным — его личная жизнь»²¹. В Черимове, как и в комму-

²⁰ А. Селивановский. В литературных боях. М., 1963, стр. 139. Сходную оценку образу дают Л. Спокойный («Скutareвский» Л. Леонова), В. Кирпотин («О социалистическом реализме»). Б. Коваленко («Скutareвский» Л. Леонова. — «Молодая гвардия», 1933, № 4, с. 141) и др.

²¹ В. А. Ковалев. Романы Леонида Леонова. . . , с. 253.

нистах своих предыдущих романов, Леонов выдвигает на первый план определяющие черты социального типа: большевистскую принципиальность, классовую бдительность, силу воли, революционный оптимизм, лишь дополняя эти черты бытовыми человеческими проявлениями (тратительная забота о Скутаревском, бурный взрыв ненависти к Геродову, зарождающаяся любовь к Жене, становление эстетического чувства и т. п.), также обусловленными, в первую очередь, социальными причинами. Главное в образе для писателя — его глубинное философское содержание.

Итоги развития нового общества для писателя — в итогах развития человека, поднятого этим обществом к творчеству истории. «В некоем величественном ряду стоят — Дант, Аттила, Робеспьер, Наполеон (я о типах!), теперь сюда встал исторически новый человек... Конечно, истоки в пролетариате. Вот и требуется отыскать формулу его, найти ту философическую подоплеку, благодаря которой он встал так твердо и, разумеется, победит. Все смыслы мира нынешнего, скрешиваясь в каком-то фокусе, обуславливают его победу», — пишет Леонов Горькому в октябре 1930 года.

Для Леонова бесспорны ведущие черты этого человека: его уверенность в своих силах и в своем будущем, его «мечтательство» (в «Дороге на Океан» писатель назовет ведущим слагаемым «искусства жить» «умение глядеть вперед»), его внутренняя цельность. Однако человек этот еще не окончательно сложился, он еще в пути, его личность еще в процессе формирования. Это превращает задачу его воплощения в литературе в дело величайшей сложности и ответственности: «что есть истина? завтрашня, к тому же! Думаешь об этом и зачастую упираешься в вопросы, еще не решенные жизнью и страной, а ведь до утопии снижаться не хочется»²².

Подходя с этих позиций к образу Черимова, Леонов изображает стремительный взлет героя как результат реализации им возможностей, предоставленных революцией человеку массы. Исследуемая в романе действительность изображается писателем как время, когда говоря словами Горького, в национальную почву все глубже «врастают корни партии, высасывая из почвы наиболее ценные соки, питаясь молодой энергией, революционно организуя, разнообразно квалифицируя эту энергию, обогащая страну интеллектуальными силами»: «масса людей, перед которыми открыты все пути культуры, выделяет из своей среды десятки тысяч молодежи во все области приложения энергии: в науку, технику, искусство, в администрацию»²³. «Тысячами голосов советский человек, строитель новой культуры, ежедневно говорит литераторам:

²² Леонов — Горькому, 21 октября 1930 г. — «Литературное наследство», т. 70, стр. 257.

²³ М. Горький. Собр. соч. в 30 тт., т. 26, с. 376, 286.

я был пастухом, был социально-опасным правонарушителем, был батраком кулака,— стал инженером, медиком, ученым-естествоиспытателем; я была батрачкой, горничной, домашним животным моего мужа,— я стала профессором философии, агрономом, парторгом»²⁴.

Исследуя новый тип человека, созданный советской действительностью, Леонов избирает труднейшую и интереснейшую задачу — проследить, чем отличается от деятеля науки прошлого «новый тип ученого, который вышел из среды пролетариата»²⁵. Писатель стремится психологически и философски обосновать способность этого человека не только усвоить и творчески переработать завоевания научной мысли прошлого, но и небывалыми темпами двинуть науку вперед, опираясь не только на творческие достижения предшественников, но и на свой политический, социальный опыт, дающий новое знание о жизни и человеке, являющийся новым для науки источником творческой энергии.

Характер Черимова исследуется писателем с помощью той же «системы координат», что и характер главного героя романа. При этом выявляется глубокая этико-философская общность нравственных позиций героев, сближающая их, несмотря на глубочайшие различия в области духовной культуры, которой еще не хватает Черимову, и социальной активности, которой еще в недостаточной степени обладает Скутаревский.

Черимову, как и Скутаревскому, свойственно ощущение кровного родства с выдвинувшей его народной почвой. Непреклонность, властность, решительность Черимова как бы исчезают, когда в его руках оказывается «шершавая бумажка» — трамвайный билет, дающий «право на самое удивительное путешествие» — поездку на рабочую окраину, где прошло детство и юность. Здесь, на родине, Черимов преображается. «Колька я...», — шепчет он при встрече со старым товарищем, стеклодувом Федором, и терпеливо ждет «пока тот его признает». Показывая Федору свою книгу, Черимов как бы снова превращается в того мальчишку, который когда-то ушел отсюда в революцию, а затем — в большую науку: «Мое, мое... вот тут и имя проставлено, видишь? — и тыкал пальцем в страницу. — Ассистан Тшеримов, это я...» (98). Опора на родное, каким по-прежнему остается для героя коллектив завода, укрепляет чувство уверенности в себе, веру Черимова в будущее. Возвращаясь в институт, он с новой силой ощущает себя «организатором жизни»: следы Черимова на ледяном тротуаре были «выпуклыми и сверкающими. Поистине они были великолепны и значительны, следы человека, который идет» (101).

²⁴ М. Горький. Собр. соч. в 30 тт., т. 27, с. 256.

²⁵ Там же, с. 84.

При всем практицизме Черимова, ему, как и Скutareвскому, свойственно высокое равнодушие к мещанским благам жизни, к вещи, порабащающей человека. Оттого так отвратителен герою бывший товарищ Ширилкин: «хватательный инстинкт развился, а ведь как дрался-то в Октябре... то есть он депеши по городу под выстрелами таскал еще мальчишкой. И оказался дьявольской пустоты человек. Так он для заполнения дырки вещи в нее впахивает... И понимаешь, хватило хамства, пианиной хвастался...— он нарочно искажил слово, чтобы оскорбительней вышло — ...«Играешь?»— спрашиваю. «Нет, говорит, а для параду»... «Может, говорю, ты за этой лакированной штукой на баррикаду лез?» (84—85).

Черимова и Скutareвского сближает одержимость работой. Жизнь Черимова, как и жизнь Скutareвского,— это непрерывный и неустанный труд: труд рабочего, солдата, студента, когда в течение шести лет единственными вехами его жизни были «прочитанные книги» (71), и, наконец, труд ученого, которым, по мнению самого героя, и начинается его биография — «все предшествующее Черимов считал лишь подготовкой к ней» (79). Как и Увадьев, Черимов, делая дело, делает себя: восторженная встреча Черимова коллективом института изображается Леоновым как результат того, что аудитория «знала примечательную черимовскую биографию и теперь дружелюбно приветствовала человека, в такой мере потрудившегося над собой» (79).

Черимову, как и Скutareвскому, свойственно гордое чувство ответственности не только перед настоящим, но и перед будущим. Осознание того, что его поколение постепенно занимает командные высоты жизни: «Вот, старики уходят, и мы становимся в первую шеренгу... жутко и весело» (100) — рождает в душе героя неутихающее беспокойство, становящееся побудительной силой активного и самоотверженного действия.

Но, выявляя общность героев, Леонов одновременно и возвышает Черимова над Скutareвским в способности познать смысл происходящих событий, а значит — приобрести власть над ними.

Революция, служению которой посвящена жизнь Черимова («верить?... зачем же. Я не верю, я делаю ее, каждый день мой, каждый час...» (144), сообщает герою его идейную непреклонность. У Черимова нет сомнений, нет колебаний. Он «имеет идею, и если даже самый счастливый шаг не направлен к ней хотя бы по кривой, он не делает его вовсе» (112).

«Идея Черимова дает ему то умение связать «осознание насущных нужд с предвидением будущего», которое является неотъемлемым свойством «организатора жизни», ее хозяина. Отвергая, как и Скutareвский, старый общественный порядок, который был «не в состоянии ни насытить до мудрости своих художников, ни реализовать рекорды

своих наук» (79), он, в отличие от Скutareвского, способен сопоставить отношения «правлящего класса к науке в старое и новое время» (78), утверждая на этой основе новые связи между наукой и обществом, новую научную этику.

Жизнь и работа Черимова подчинены стремлению посвятить себя решению именно тех задач, важность которых для общества признается им первостепенной. Во имя дела Черимов отказывается от своей единственной человеческой «слабости» — хоккея («не хватает суток. Кроме того, у меня образовалась своя, очень спешная работа.— То было первое его упоминание о его собственной работе» (223—224). Считая, что работа Скutareвского неизмеримо важнее «для вечности», чем его собственная, в которой повторялась «давняя история с учеником, который недоумился использовать отвлеченный от практики опыт учителя» (308), герой, не думая о себе, решительно вмешивается в судьбу ученого, содействуя осуществлению его планов.

Для Скutareвского бесспорна сила духа ученика, нравственная полноценность его принципов, значительность и чистота его устремлений. Черимов — яростный враг «прометейства», понимаемого им как индивидуализм (309), однако его стремление превратить свое научное творчество в целенаправленное служение обществу сродни стремлению Скutareвского отдать себя науке, являющейся в его представлении служением человечеству. Жизнь заставляет Скutareвского понять и другое: «идея» Черимова, его преданность революции сообщают ученику способность проникнуть в скрытый смысл происходящих событий, в мотивы поведения окружающих людей, т. е. дает ему ту полноту общественного бытия, ту полноту власти над жизнью, которой пока еще не обладает учитель²⁶. Ученый приходит к выводу: стать хозяином жизни невозможно без обретения черимовского, классового подхода к явлениям действительности, решительно поворачивая на сближение с новым.

* * *

Культура будущего, включив в себя гений Скutareвского, должна быть одухотворена черимовской идеей, — утверждает Леонов. А значит, спускаясь с «горы», Скutareвскому предстоит не только отказаться от претензий на некую духовную исключительность интеллигента в государстве, где «управляют банщики» (169), но и принять новое отношение общества к науке как к достоянию общества, новый взгляд на свою работу как на свой общественный долг и на человека, первостепенным достоинством которого в новых условиях становится способность быть гражданином.

²⁶ Об этом свидетельствует тщательно прослеженное Леоновым развитие отношений Скutareвского с Петрыгиным, Анной Евграфовной, Геродовым, Арсением, Штруфом, которые, стоя нравственно неизмеримо ниже Скutareвского, тем не менее, в области практической, житейской обычно берут верх над ним.

Путь с «горы» — это путь разрыва с былыми интеллигентскими иллюзиями, путь принятия большевистского представления о классовой борьбе как движущей силе истории и тех методов, которыми пользуется в этой борьбе пролетариат. Процесс «Промпартии» убедил современников: явления реальной жизни не укладываются в формулы электрохимических процессов. В размеренное движение электронов вторгаются силы зла, и если честный человек уйдет от борьбы, они надолго могут задержать естественное развитие мира. «Так значит это правда... вот, о чем пишут в газетах! Я долге не верил сам, потому что — подорвать величайшую попытку перестроить мир — это правда? Правда — организовано сжигать народные усилия?... Должно быть политика делит мир совсем на иные молекулы, чем делили ее мы, механисты, так сказать, физики и химики» (292), — потрясенно убеждается Скутаревский, узнав о предательстве сына.

Принять «идею» Черимова — значит принять его твердость, его решимость, его установку не на пассивное неприятие, но на борьбу со злом. Вступление на этот путь приводит ученого к логическому завершению «огромных бурь, смещений и катастроф» (243) его жизни — в партию большевиков.

Для Скутаревского это акт величайшего нравственного значения. Poleмически определяя взгляд Черимова на науку как «на свою партийную обязанность» хоть и не как «плохо», но как «мало» (283), герой тем не менее вынужден признать, что для него самого понятие «партийная обязанность» — вмещает всю сумму многочисленных и разносторонних человеческих обязанностей (Отсюда: «разве вы думаете, что партбилет оправдывает мое научное бесплодие» (243—244)). Поэтому величие партии, возлагающей на человека этот широчайший круг обязанностей, закономерно связывается для Скутаревского с ленинским величием: говоря с Черимовым о вступлении в партию, ученый, по собственному признанию, волнуется так же, «как тогда, когда говорил с Лениным!» (244).

* * *

Утверждение на позициях нового, — показывает Леонов, — дает герою новые силы, опирающиеся на чувство хозяина жизни, хозяина государства. Скутаревский решительно отмежевывается от гнетущей его атмосферы мещанства, от фальшивых семейных святынь. Так, попытка ученого оправдать свою терпимость относительно сделанного сыном вредительского проекта электростанции: «я мало смыслю в этом деле» — не выдерживает проверки вопросом Черимова: «А если бы вы при равных условиях были в партии?» (243). Готовность Петрыгина, «с точки зрения морали» не находящего «ничего предосудительного в том, чтобы под влиянием нагана отдать не только знания, а и коше-

лек» (177), служить новой власти, и раньше была отвратительна Скutareвскому. Теперь попытка Петрыгина пролезть в партию вызывает яростный протест ученого: «Не принимайте его, не надо... гоните его!» (243). Гражданин общества, нетерпимый к нарушению его нравственных норм, Скutareвский стремится защитить новую жизнь от ядовитого «гормона» потребительства, власть которого в его глазах олицетворяет Петрыгин.

* * *

Одержимость Скutareвского делом, его неистовая страсть творца и ранее давали ученому чувство равенства с потомками в их молодом отношении к миру²⁷. Процесс «перестройки» Скutareвского выявляет «плодородие» «скutareвской земли» (232), сообщает душевной молодости героя полноту жизненных проявлений.

Образ комсомолки Жени, как это свойственно образной системе романа, воплощая реальные черты «девушки своей эпохи», является в то же время и «особым реалистическим символом вечной молодости, вечного нестарения»²⁸. Женя изображена Леоновым как представительница поколения, вступавшего в жизнь с чувством горечи оттого, что не пришлось делать революцию, и одушевленного стремлением отдать жизнь труду на благо народа. Молодость этого поколения не только его «беда», но и его гордость, ведь так же молода вся страна. Мечта Жени об «обратном» развитии человека — от старика к младенцу, в котором смерть заменена растворением в «голубое ничто» (231), — это тоже апофеоз молодости, возвеличивание ее. «Бежать от Жени» значило для Скutareвского «бежать ей навстречу» (298), так как бегство было бы самопожертвованием, а значит тем, жаждой чего жила простенькая Женина душа, — неотъемлемым чувством торжествующей молодости.

Любовь к Жене возникла, когда Скutareвский осознал нелепость и мерзость своей прежней жизни, понял, что не может жить по-старо-

²⁷ Леонов неоднократно подчеркивает душевную молодость героя. Показательно, например, что Скutareвский «из книг, далеких от его науки... перечитывал только Рабле» (55). В сцене охоты на лису Скutareвский олицетворяет неразрывное единство человека с миром живой жизни, миром природы с его морозной чистотой и свежестью. Старый мир, олицетворяемый Петрыгиным, изображается как нечто по самой своей сути противостоящее этой естественной красоте: «весь я такой, точно жидким мылом меня налили. Плоть свою ненавижу, в которой душа и тонны мертвого сахара разболтаны... вместе!» — жалуется Петрыгин (182). Скutareвскому глубоко чужды окружающие Арсения живые мертвецы, в которых, кажется, истощились все жизненные соки, и близка цветущая молодость нового мира, вызывающая желчное негодование вредителя Брюхе (56) и т. д.

²⁸ Л. Ф. Ершов. Русский советский роман..., с. 205. Философско-аллегорическое содержание этого образа не было понято критикой 30-х гг. (см. «Голубое ничто. (Письмо моему автору)». — «Комсомольская правда», 1933, 15 июня и др. работы), где образ Жени получил резко отрицательную оценку.

му: «вы родились из меня в тот самый миг, когда во мне умер я прежний. Знаете, новые идеи никогда не поселяются на падали: они как полевые птицы» (341). Любовь эта — не просто попытка уйти от губельного одиночества, которое поглотило молодость героя: «Он шел с горы, и на пути встретил последнее дерево, за которым предстоял спуск в прохладную, бесплодную и сумеречную долину; тем более стоило продлить это бесконечно малое мгновенье, отдохнуть в его тени, хотя бы и сопровождалось это многократно оклеветанным ритуалом любви» (249). Чувство Скутаревского к Жене — это не старческий «маразм», но «эпос», включающий человека в торжествующую полноту жизни, стимулирующий его творческие возможности: «Гора его, этот окостенелый гроб, сглаживалась; он забывал о ней; его душевное существо выпрямлялось. И прежде всего это сказывалось на работе» (232—233).

Однако «перестройка» Скутаревского — это не просто отказ от нравственных принципов старого мира и принятие морали наследников. «Перестройка» Скутаревского, философски осмысляемая Леоновым как нравственное выпрямление личности в эпоху социализма, изображена в романе как самый сложный внутренний процесс, в котором усвоение передовых идей времени предстает как обогащение нравственных основ личности героя, дающее ему ту полноту власти над жизнью, которой он ранее не обладал. Во имя этого должно быть подавлено чувство ученого к Жене, несмотря на его подлинность и правдомерность.

Дело не только во внешнем неравенстве героев: девчонка, «замысел человека» и «знаменитость, член горсовета, научный, так сказать — отец целой оравы сотрудников, директор, вождь, дед, индивидуум, величина и, хотя бесхвостая, но все еще комета» (297), — хотя для любви Скутаревскому «прежде всего требовалось равенство». Дело даже не в том, что Скутаревский осознает: он любит не настоящую Женю, с ее детской угловатостью и женской нежностью, умом и ограниченностью, добротой и непримиримостью, — смешную и прекрасную одновременно, а свою выдумку «миф, попавший в машину» (355). Скутаревский прозревает истину: Женя не любит его, поэтому «отдать себя ей было легче, чем дать веру в конечное осуществление его замысла» (340). Принять эту жертву в трудную минуту после провала эксперимента означало бы для Скутаревского смириться с собственной слабостью, превратиться из «командарма электронов», победителя стихийных сил, в «сгорбленного одинокого человека».

Скутаревский одерживает величайшую победу над собой, и эта победа символизирует духовное возрождение героя. Неудача испытаний — огромная потеря для Скутаревского: потеря времени, нервов, веры в свои творческие силы. Однако в этот момент выявляется и значительность того, что приобретено героем. Происходившее до сей поры

количественное накопление сведений о новом мире и своей роли в нем производит в сознании Скutareвского некий качественный сдвиг. Одновременно с уверенностью: несмотря на провал эксперимента, принцип, открытый им не опорочен,— к ученому приходит понимание того, что служение обществу, являвшееся в старом мире лишь фазой ненавистного ему процесса потребительства, стала в новом мире величайшей творческой отдачей энергии народу. А значит — научное творчество Скutareвского ставит его в одну шеренгу с современниками, строящими новую жизнь.

Об этом заключительная сцена романа: поездка Скutareвского на подшефный завод, встреча ученого с рабочими, которые приветствуют его грохотом рукоплесканий, «точно взорвалось длительное недоумение, разделявшее их до этой минуты» (359). Скutareвский не собирается, по его словам, рассказывать рабочим «про семимильные шаги в социализм». «Я ругаться с ними буду насчет того трансформатора!» (353), — предупреждает он, с радостью ощущая непривычное еще чувство хозяина жизни. Магистраль, ведущая к заводу, ведет героя к людям, с которыми ему предстоит двинуться в страну будущего, «белым глухим пятном» обозначенную «на картах» (359).

Всенародный полет в будущее

«Перестройка» Скutareвского изображена Леоновым как составная часть всенародного процесса духовного обновления, нравственного обогащения личности в эпоху социализма. Реальные приметы советской действительности 20-х—30-х гг. осмысляются писателем как результат огромной животворящей силы социалистических общественных отношений, включающих человека во всенародный «полет» в будущее, который, по Скutareвскому, есть «естественное состояние человека, все остальное — лишь кошунственное отступление от нормы» (111).

* * *

Революция совершена в интересах человека. Поднимая его к историческому творчеству, она вводит в действие огромные источники энергии, таящиеся в сознании масс,— показывает Леонов. На этой основе решается в романе характер банщика Матвея Черимова, становящегося «государственным человеком».

Отрицательно оцененный критикой 30-х гг.²⁹, этот образ также двухплановый: изображенный как реальный представитель своего вре-

²⁹ «Леонов не знает нового советского актива... Поэтому его Никенч неправдоподобен, поэтому он вместо индивидуализации очудачивает его» (В. Кирпотин. О социалистическом реализме. . . , с. 13) и т. д.

мени, герой является одновременно символом исторического пробуждения массы под воздействием идей революции. Душевные силы Матвея Черимова придавлены вбитым в него годами унижительного труда сознанием собственной неполноценности. Ощущение себя человеком «второго сорта» сохраняется у Матвея и после революции. Черимов не считает себя вправе «повоевать маленечко за рабочую власть»: Куды мне, я банщик» (31). Как и Скutareвский, он оказывается в стороне от жизни общества, тоже на своего рода «горе», превратившись в равнодушного «наблюдателя жизни» (32).

Оказавшись на виду у людей, оценивших его добросовестный труд, Черимов избран депутатом районного совета. Для героя это означает «высочайшую из доступных его разуму катастрофу». Однако приметивший Черимова уполномоченный «со времени гражданской войны много людей пропустил... сквозь себя и вплотную изведаль, какие качества прячутся в таких мрачных густобровых кряжах». Сбивчивые просьбы Матвея: «Отмени, товарищ, отмени... в своем ты уме? какой я правитель? Лежу в жизни бездвижно, как говядина» (137), — убеждают его лишь в одном, в том, что этому человеку надо «открыть», объяснить его самого, и тогда добросовестный труженик Черимов сможет принести, находясь «у власти», неизмеримо большую пользу, чем скажем, «проявляющий такую активность, «что страшно было смотреть» (136), заведующий баней Кеша. Доверие людей, сознание своей нужности им потрясает Матвея. «Не на кого становилось жаловаться, не с кем стало хитрить... пленение было окончательное,— теперь он стал тоже Советская власть» (139).

«Государственная должность» не изменяет профессии Матвея. Зато резко изменяется его отношение к жизни. Встретив на станции, по пути к месту эксперимента депутата Черимова, возвращающегося из подшефного колхоза, Скutareвский не узнает Матвея не потому, что тот сбрил свою знаменитую бороду, в которую, как в лес, прятался от мира. Лицо этого человека стало иным, потому что «бегство» «из надменной дикарской пустыни в самую толкотню сложнейшего социального маневра» (303) превратило его из брюзжащего раба в полноценного члена общества, в хозяина жизни.

* * *

Сказочная тема романа — тема весны человечества, возрождения творческих сил человека, поправленных эксплуататорским строем, враждебным подлинной культуре, подлинному искусству. С ней связан образ художника Федора Скutareвского.

Федор Скutareвский отмечен столь же яркой печатью таланта, как и Сергей, — недаром, стремительно вторгающиеся в жизнь, они получают прозвище «братья-разбойники». Талант Скutareвского-художника,

как и Скутаревского-физика, несет черты социального протеста: Федор начинает свой путь в искусстве картиной «Аввакум в Братском остроге под Байкалом» — «это была грубая, почти натуралистическая повесть о некоем абстрактном поруганном человеке» (183). Однако буржуазному миру, которому остается неподвластен талант физика, удается купить талант художника. Властью денег Федор Скутаревский превращается в создателя грамотных, но бесполезных картин, украшающих общество сытых. «Надо служить кому-нибудь одному: искусству или... заниматься социальными реформами. Ваша «Забастовка» организовывает... вернитесь к подлинной красоте!» — приказывает Скутаревскому владетель его картин фабрикант Жистарев. Мир увядания не принимает светлой мечты художника о весне — гибнет сделанная Федором по заказу банкира Гонельберга весенняя мозаика: «Уберите, уберите это... мадам любит только осень!» — «Они железными когтями содрали со стен мою весну, а мрамор выковыривали ломами» (205—206).

Попытка протеста — портрет-памфлет мецената Жистарева — приводит к тому, что, умирая, старый мир обрушивает свой последний удар на художника, столь тесно связанного с ним. Гибель картин, скупленных и уничтоженных Жистаревым, лишает Федора его прошлого в искусстве. Путь художника в новом мире — это обретение им будущего.

Стараясь помочь брату, Скутаревский пытается вернуть его к родному корню, к народной жизни, которая породила их обоих: «Напиши, если сможешь... напиши мне стол... И вокруг мы, все шестеро... И на углу отец... но только ты помнишь его руку?... руку, всю в коричневых обжогах, жесткую руку его» (200). Стремлением приобщить художника к новой жизни вызван совет ученого насытить полотно свойственной этой жизни первозданной яркостью красок — символом жизненной силы. «Ты сказал однажды... что кровь в революции смысла со слов и понятий их истрескавшуюся пошлую лакировку. Ты сказал тогда, что к образам вернулась их первичная суровая чистота. Вот и покажи!» (204).

Но сам Скутаревский еще не настолько вошел в новую жизнь, чтобы ввести Федора. Поучая брата: «Ты не хитри, ты нараспашку иди, не застегивайся. Ты дайся ветерку!» — он «втайне» подумал, что это относится и к нему самому» (202). Скутаревский стремится сделать искусство брата полезным новой жизни. Федора в этом стремлении к полезности превыше всего пугают знакомые ему симптомы приспособленчества, пусть даже это приспособленчество к строю, справедливость которого очевидна для художника. «Ты хочешь, чтобы я изобразил комбайн на этом поле?... Но тогда я обману тебя же, мой зритель. Моя картина состарится прежде, чем высохнут ее краски...»

(204). Путь к воспроизведению новой жизни и нового человека Федор Скутаревский видит не в том, чтобы в угоду новому хозяину «в газете рисовать Чемберлена», но в том, чтобы, не довольствуясь внешними приметам, проникнуть в смысл новой эпохи, в смысл существования нового человека.

Художник не ищет легких путей, и в этом проявляется, уже на новой основе, внутреннее родство братьев Скутаревских. Напряженное стремление постичь глубинное содержание новой действительности: «всегда художник пользовался полуфабрикатом, который ему поставляла заслуженная, испытанная фирма: жизнь. Сегодня он стоит перед взорванными и разрытыми карьерами, которые еще дымятся. Его сырье сегодня — первородная руда; надо долго сушить ее, сортировать, сплавлять, чтобы сделать ее послушной руке ваятеля» (356—357), — приводит Федора к выводу, что истина «всегда впереди, всегда за пределом взгляда, и надо безостановочно идти, чтоб надеяться нагнать ее, постоянно убегающую» (207).

Возрождение приходит к художнику, показывает Леонов, через прозрение им сущности эпохи социализма — ее «надличностной динамической силы», включающей человека в целенаправленное движение вперед, в будущее. Картину «Лыжники» — первый шаг Федора Скутаревского в воспроизведении открывшегося ему нового мира — отличает именно включенность будущего в реальный мир настоящего. «Сверкающий... апофеоз молодости и беспрестанного движения вперед» (318) изображен художником на лиловом фоне заката. Однако стремительный полет лыжников, «буйное и легкое торжество одушевленной материи», наполняет сумерки предчувствием солнечного полдня, заставляет видеть в тусклых сиреневых тенях на снегу яркие краски будущей весны. Картина становится творческой победой художника, потому что эпоха социализма воспринята и трактуется им как весна человечества, как эпоха обновления мира. И хотя новый человек (в данном случае, Черимов) воспринимает картину так же утилитарно, как некогда Скутаревский: «зачем сумерки? Пускай будет наш полдень, пускай лед горит и плавится под нашим солнцем» (320); «зачем у нее разорвано трико на коленке? Если сегодня мы и выпускаем не всегда приличную продукцию...» (319) и т. д. — художнику, тем не менее, удается стать учителем современника. Удастся, потому что и Черимов в конце концов признает, что хотя картина «не понравилась ему: все-таки она была не о том, за что героически боролась сегодня страна. Но, странно, она не забывалась, она волновала его... теперь уже не противоречила его ощущениям спрятанная тенденция холста», заставляя почувствовать то, что хотел сказать художник: «светит солнце и в сумерках, ибо весна человеческая делается изнутри» (322—323).

Отъезд Федора на новостройку — «прикоснуться к основам всех тех вещей, из которых складывается жизнь будущего века» (252) — изображается писателем как окончательное утверждение героя в роли человека-творца, гражданина, вносящего свой вклад во всенародную переделку жизни. Задуманные художником фрески: «полдень, стройка, баррикада, шествие, весна, то есть те эпосные слова, которыми класс начинает свою историю» (357) — это воплощение того «торжества молодости и неукротимой веры в свои силы», того «шествия новой весны» (356), которые составляют удивительную им сущность нового мира.

* * *

Социалистическая перестройка жизни включила в неудержимый «полет» в будущее «огромные миллионы» (305). Простой человек «почувствовал себя хозяином на земле»³⁰. И «безымянный сибирский краевед», который, основываясь на своих сорокалетних наблюдениях, добровольно помогает специалистам определить место строительства первой электростанции для передачи энергии без проводов, и обыкновенный извозчик, «синий человек», который «тридцать лет не видел ничего, кроме хвоста своей лошади... и некоторых побочных явлений» (278) и который, к удивлению Скutareвского, интересуется строительством института, и плотники, бригадой едущие на строительство Магнитки, — изображены Леоновым как свидетельство того, что «в процессах грандиознейшей социалистической «перестройки» создается новый тип человека-коллективиста, человека — хозяина своей страны». Происходящее при социализме «выравнивание» как отдельных сторон личности, поднимающейся на соответствующий эпохе уровень во всех областях жизненных проявлений (Скutareвский, Черимов), так и типов жизнеотношения различных социальных групп (пролетариат, научная и творческая интеллигенция, крестьянство и др.), трактуется в романе как начало великого процесса становления единого, неклассового социально-психологического типа личности, который достигнет вершины своего развития в коммунистическом обществе.

*Вильнюсский государственный университет
им. В. Кавсукаса*

Февраль, 1974

SOCIALISTINĖS ASMENYBĖS FORMAVIMOSI PROCESAS L. LEONOVO ROMANE „SKUTAREVSKIS“

S. KUZMENKO

Reziumė

Skutarevskio atgimimą Leonovas pavaizduoja kaip sudėtinę dalį asmenybės dvasinio atsinaujinimo, kuris tapo visaliaudiniu procesu socializmo

³⁰ М. Горький. Собр. соч. в 30 тт., т. 26, с. 85.

epochoje. Atskleisdami realius 3-jo ir 4-jo dešimtmečių tarybinės tikrovės bruožus,— žmogaus pakilimą istorinei kūrybai, įtraukusiai į veiklą didžiulius energijos šaltinius, glūdinčius masių sąmonėje (Matviejaus Cerimovo paveikslas), žmogaus kūrybinių jėgų, pamintų išnaudotojiškos santvarkos, kuri svetima tikrai kultūrai, tikrajam menui, atgimimą (Fiodoro Skutarevskio paveikslas) ir t. t.,— romano paveikslai simbolizuoja socialistinių visuomeninių santykių didžiulę gyvybingą jėgą.

THE PROCESS OF DEVELOPMENT OF THE PERSONALITY IN THE NOVEL BY LEONOV „SKUTAREVSKY“

S. KUZMENKO

S u m m a r y

The „change-over“ of Skutarevsky is represented by Leonov as a component part of the whole process of soiritual renovation of the personality under the epoch of socialism.

This process reflects the essential features of the Soviet life of the twenties — thirties of the twentieth century: i. e. the development of man as a maker of history resulting in stirring up the great mass enthusiasm concealed in the consciousness of the masses (the character of Matvey Cherimov), the revival of human creative activity suppressed under the condition of exploitation system hostile to the real cuture and real art (the character of Fyodor Skutarevsky) and so forth.

The characters of the novel symbolize the great animating force of new social relations.

The „smoothing“ of not only separate sides of the personality, being stimulated to reach its appropriate level in all spheres of public life (Skutarevsky, Cherimov) but of various types of social groups (the proletariat, the scientific and creative intelligentsia, the peasantry et al), the gradual obliteration of the whole series of essential distinctions among classes and groups of the working people and acquisition by them of more and more important general features in the construction of new life are going on under the conditions of new social system.

The above-mentioned development is depicted in the novel as the beginning of the great process of foundation of the single type of personality which will reach its peak in the developed communist society.